

Шесть кошмаров было у Акслин: скакуны, зубастики, длиннопалые, корявые, шипастые и костлявцы. Сколько она себя помнила, так было всегда, поэтому ей и в голову не приходило, что за пределами анклава могли скрываться и другие, ещё более зловещие напасти.

Её представление о мире изменилось, когда однажды вечером она познакомилась с Иксой и Рауксаном.

На тот момент Акслин было девять, и в родном анклаве у неё было уже множество обязанностей. Когда караульные объявили о прибытии гостей, она чистила горох. Бросив корзину, наполненную пустыми стручками, Акслин ринулась к дверям вместе с остальными детьми. Из-за своей хромоты она прибежала, как всегда, последней, впрочем, это мало кого волновало.

Взрослые удерживали детей подальше от входа. Нужно было дать возможность караульным спокойно закрыть внешние ворота прежде, чем открыть внутренние. И дети, с трудом скрывая нетерпение, послушно ждали. Посетители редко появлялись в этих краях, преимущественно это были бродячие торговцы, которые, рискуя жизнью, перемещались от анклава к анклаву, предлагая разные предметы, еду и материалы. Поэтому все были немало удивлены, когда вместо торговцев на пороге оказались девочка двенадцати лет, а рядом с ней мальчик чуть помладше. Ребят сопровождал мужчина, впрочем, его персона уже никого не заинтересовала. Увидев на пороге маленьких гостей, все дети анклава, включая Акслин, воскликнули почти хором: «А-а-а».

Но в этом возгласе не было радости. Это был крик ужаса и изумления.

Никси разрыдалась. Она стояла напротив гостьи и смотрела на неё, глотая слёзы.

— Её заберут длиннопалые, её заберут длиннопалые... — всхлипывала Никси; глядя на девочку, и маленький Пакс, который не понимал, что происходит, тоже начал плакать.

Акслин по-матерински обняла обоих, не в силах оторвать взгляда от новенькой. Никогда ещё она не встречала таких длинных и таких светлых волос, как у неё. Акслин хотелось прикоснуться к ним, погладить, но вместо этого она невольно провела рукой по собственной голове, едва покрытой чёрным пушком. На лице Акслин было написано беспокойство.

— Икса! — воскликнул сопровождавший белокурую девочку мальчик, приближаясь к ней. — В чём дело? Почему эти лысые дети так на нас смотрят?

У мальчика тоже были роскошные локоны, только не белокурые, а рыжие, и Акслин никак не могла взять в толк, как с такими волосами им до сих пор удалось сохранить жизнь?

Тут вперёд вышел Тукс и встал перед новенькими, скрестив руки на груди. Ему было почти тринадцать, и совсем скоро ему предстояло покинуть детскую хижину, чтобы начать жить вместе со взрослыми.

— Вы не можете оставаться с такими волосами, — отчеканил он. — Если вы хотите переночевать у нас, вам придётся состричь их.

Икса возмущённо вскрикнула и схватилась за голову двумя руками, словно хотела спасти её от коварных притязаний «лысых детей».

— Да кем ты себя возомнил, чтобы приказывать нам? — рассердился рыжий.

Ни одна жилка не дрогнула на лице Тукса.

— Мы состригаем волосы вовсе не потому, что это наш каприз, — вмешалась Ксиера. Она говорила очень мягко, но в тоне

её слышалось недоумение, как можно не понимать таких очевидных вещей. — Просто это единственный шанс не быть съеденными длиннопальцами. Или вы знаете другие?

— Длиннопальцы? — мальчик с девочкой, похоже, совершенно не понимали, о чём идёт речь.

Тут ребят окликнул мужчина, с которым они пришли:

— Икса, Рауксан, — позвал он, оторвавшись от разговора с лидером анклава, Вексусом.

Акслин обратила внимание, что внешний вид мужчины тоже не вполне соответствовал правилам. И хотя волосы его не были слишком длинными, бороду требовалось сбрить как можно скорее.

Мужчина подошёл девочке и мальчику и с сожалением посмотрел на них.

— Вам придётся побрить головы, как у остальных, — развёл он руками. — Таковы правила анклава.

Глаза Иксы наполнились слезами, Рауксан побледнел, впрочем, сопротивления никто из них выразить не посмел. В конце концов, весь мир соблюдал нормы анклавов. Так было испокон веков и обсуждению не подлежало.

Не в силах сдерживать любопытства, местные дети направились вслед за новичками, чтобы понаблюдать за процессом стрижки. Когда золотистые локоны Иксы начали водопадом обрушиваться на пол вокруг неё, девочка уже не плакала; она просто молча сидела в своём кресле, бледная и испуганная.

Ужинали, как обычно, перед заходом солнца. Пока накрывали на стол, Акслин воспользовалась свободной минутой, чтобы вернуться к тому месту, где стригли ребят, и подобрала с пола светлый локон Иксы. После чего их смели в угол вместе с рыжеватыми прядями Рауксана и остатками бороды мужчины, которого, как она уже успела выяснить, звали Умакс. Акслин сама не до конца понимала, зачем делает это. Она бы никогда не позволила себе так отпустить волосы, да ей, наверное, и не хотелось этого.

Была, впрочем, одна мысль, которая вертелась у неё в голове, хотя она пока и не способна была облечь её в конкретную форму.

Эта девочка с длинными-предлинными волосами... эти люди... они не были лысыми, и при этом они были живы!

Акслин точно знала, что это должно иметь какое-то объяснение, но какое... Её представления о мире пока было недостаточно, чтобы разгадать такую загадку. Девочка убрала золотистый завиток к другим ценностям, которые хранила в секретном месте, и, прихрамывая, поспешила присоединиться к остальным.

За ужином новички держались особняком. Они сидели рядом с Умаксом, серьёзные и молчаливые. Было заметно, что им трудно привыкнуть к своему новому облику.

Местные дети, наоборот, болтали без умолку. У всех накопилась уйма вопросов. И все эти вопросы, конечно, касались новых гостей.

— Как они жили с такими длинными волосами? — недоумевала Ксейра. — Кто они? Откуда они пришли?

— Я слышал, что их анклав был разрушен несколько недель назад, — ответил Тукс, понизив голос, чтобы его не услышали самые маленькие — Пакс и Никси. — Только они трое выжили.

Акслин и Ксейра застонали: им было страшно и одновременно очень жалко новеньких.

— Длиннопалые?

— Не думаю, — задумался Тукс. — Вполне возможно, что в тех краях, откуда они пришли, вообще нет длиннопалых.

— Неужели есть такое место? — мечтательно проговорила Акслин и ещё раз провела рукой по голове, словно представляя себя с такими же длинными волосами, как у белокурой девочки.

— Не знаю. Возможно.

— Но даже если там нет длиннопалых, — зашептала Ксейра, — скорее всего, там водятся какие-нибудь другие монстры, быть может, ещё более ужасные.

Дети снова посмотрели на Иксу и Рауксана. Теперь местные вели себя уже не так высокомерно: видимо, всех впечатлило известие о трагедии, которая случилась с новичками.

— Это сделали монстры?— робко спросила Аксин. — Неужели они способны разрушить целый анклав?

Дети переглянулись: в глазах у всех читалось напряжение и беспокойство.

— Такое случалось, — ответила Ксейра. — Но с нами этого никогда не произойдёт. Мы знаем, как защититься от всех монстров.

Очень скоро, впрочем, стало понятно, что слова Ксейры были не совсем правдой.

Иксу и Рауксана устроили на ночлег в детской хижине. Ребята не возражали, тем более что их старый анклав был организован по точно такому же принципу: дом для детей был самым надёжным в деревне, самым прочным и наиболее защищённым из всех. Располагался он в самом центре анклава, вдали от ограждения. Здесь жили дети до тринадцати лет и женщины с младенцами. Когда приходило время, матери возвращались во взрослые хижины, которые окружали детский дом, образуя вокруг него подобие защитного пояса, а их младенцы оставались на попечении подросших ребят. Таким образом, дети росли, не зная толком, кто их родители, а сами взрослые поскорее старались разорвать связи с теми, кого недавно произвели на свет. Зато все вокруг были братьями и сёстрами друг другу. И абсолютно все взрослые вели себя как родители по отношению к детям.

На момент прихода в анклав Иксы и Рауксана в детской хижине жили пятеро детей, молодая мама Калакс и её трёхмесячный малыш. Так как детей в анкаве было совсем немного, взрослые прилагали все усилия, чтобы защитить их от любых опасностей. Важная и весьма непростая задача стояла перед каждым ребёнком: выжить в детстве, благополучно повзрослеть, чтобы, когда придёт время, дать жизнь новому поколению. Дети постарше были прекрасно осведомлены об этой непреложной миссии, хотя и никогда не говорили об этом.

Специально для гостей в хижине освободили место и застелили дополнительные тюфяки. Зайдя в дом, Икса с недоверием оглядела место ночёвки.

— Рауксан, мы не можем здесь спать! — в страхе закричала она, показав на потолок.

Мальчик поднял голову, и тревога девочки тут же передалась и ему.

Детям, жившим в хижине, стоило большого труда догадаться, что новички вовсе не вместе с ними боятся остаться на ночь, а не могут лечь спать без какой-то «сети от слюнявых».

— Что это за сеть такая? — поинтересовалась Никси.

— А кто такие слюнявые? — спросила Акслин.

Гости посмотрели на них, не веря своим ушам.

— Вы не знаете, кто такие слюнявые?

Но ответа им не суждено было услышать, потому что в этот момент в хижину зашла Калакс и велела всем занять спальные места. Дети тут же прекратили разговаривать и принялись послушно выполнять привычный вечерний ритуал.

Впрочем, когда новенькие перед сном достали из своих сумок огромные плотные носки, источавшие сильный и на редкость отвратительный запах, даже самые послушные обитатели хижины начали перешёптываться.

Привычными движениями новенькие натягивали свои жуткие носки, не обращая внимания на озадаченные взгляды.

Только убедившись, что ноги должным образом защищены, Икса подняла голову и с недоумением взглянула на хозяев хижины.

— Это от сосущих, — сказала она так, как будто это была самая очевидная вещь на свете.

— Шо-шууу-щихих, — повторил Пакс. Он всегда говорил будто с кашей во рту.

Тукс пожал плечами.

— Не понимаю, о чём ты.

Икса начала раздражаться.

— Вот только врать не надо. Я видела, как хромает та девочка, — сказала она, показывая на Акслин. — Это ведь сосущие, да? Они тебя покалечили? Не стоит стыдиться того, что ты лиши-

лась нескольких пальцев. В нашем анклаве были те, кто не унёс от них ног. Главное, что ты выжила.

Икса говорила мягко, почти ласково, но это только сердило Акслин.

— Большое спасибо, но все мои пальцы на месте, — холодно ответила она, немного поёжившись.

Икса восприняла её слова как вызов.

— Я не верю тебе. Покажи мне ногу.

Она потянулась к Акслин и после непродолжительной борьбы смогла вытащить её ногу из-под одеяла, но когда попыталась поднять поближе к свету, Акслин рассмеялась.

— Всё, хватит, мне щекотно.

Малыш Пакс тоже захихикал, решив, что девочки просто играют. Впрочем, он был единственным, кто так подумал.

— Ну что, видишь теперь? — вмешалась Ксейра, которой всё это начало порядком надоедать. — У Акслин нет проблем с пальцами. Она хромает, но вовсе не по вине сосущих, о которых ты говоришь.

— На неё напал корявый, когда ей было четыре года, — объяснил Тукс.

Икса покраснела и отпустила ногу Акслин.

— О, — выдохнула она. — Я тебе сочувствую.

По тону, с которым это сказала, было понятно, что ей не нужно объяснять, кто такие корявые.

Тукс же, наоборот, решил добавить деталей:

— Он схватил её за лодыжку и поволочил за собой под землю. И эта тварь утатила бы её, если б не Вексус. Он вовремя подоспел и прогнал монстра, но корявый держал с такой силой, что повредил Акслин ногу. С тех пор она не может нормально ходить.

— Ужасно сочувствую, — повторила Икса.

Акслин накрылась и обиженно замолчала. Калакс воспользовалась минутой тишины, чтобы отдать распоряжение.

— Не забывайте, что мы не говорим о монстрах перед сном, — напомнила она, — особенно в присутствии маленьких.

Сейчас я погашу свет, и когда я это сделаю, хочу, чтобы все тихо лежали на своих местах.

Дети послушно разошлись по своим тюфякам. Калакс погасила лампу, и долгое время единственным звуком в темноте было причмокивание малыша, с аппетитом сосущего мамину грудь. Потом ребёнок отрыгнул, всхлипнул и вскоре засопел вместе с остальными.

Акслин же наоборот не могла и глаза сомкнуть. Она снова и снова прокручивала в голове то, что рассказала Икса. Слюнявые? Сосущие? До сегодняшнего дня она даже названий таких не слышала. Тот факт, что мир был полон монстров и монстров, от которых не ведомо, как защищаться, не позволял расслабиться.

Она промучилась ещё немного, пытаясь совладать со сном, и тут услышала шёпот Тукса:

— Икса? Ты спишь?

— Нет, — ответила та, тоже шёпотом.

— И я не сплю, — подал голос Рауксан.

— И я, — добавила Ксейра.

— А что там Калакс и маленькие? — продолжал допытываться Тукс. — Заснули или нет?

Послышался шорох простыней: старшие дети повставали со своих тюфяков и тихонько двинулись посмотреть, спят ли маленькие.

Акслин на всякий случай поплотнее закрыла глаза: в свои девять она не была чётко уверена, считается она «маленькой» или нет.

К тому же ей очень хотелось знать, что же задумал Тукс.

— Все спят, — объявила Ксейра приглушённым голосом; как Акслин и подозревала, её на тайное собрание никто приглашать не планировал. — Почему ты спрашиваешь?

Тукс ответил не сразу. Акслин изо всех сил притворялась спящей: ей не терпелось узнать, что же происходит.

— Эти сосущие, о которых ты говорила, Икса... — произнёс наконец мальчик, — какие они?

Все ждали, затаив дыхание, одновременно напуганные и сгорающие от любопытства.

Иксу опередил Рауксан:

— Я их не видел, но они трогали меня.

— Я видела одного, — сказала Икса. — Он крутился у моих ног, я напугалась и пнула его, а он спрятался под кроватью. Правда, было темно, и я его толком не рассмотрела.

— Какого он был размера? — спросил Тукс.

— С крысу примерно. Но самое страшное в сосущих — это не размер.

Девочка замолчала. И хотя всем хотелось узнать продолжение, никто не осмеливался её торопить.

— Сосущие, — сказала наконец Икса, — приходят по ночам, когда все вокруг спят.

Сколько ловушек на них ни ставь, как ни запирайся, они всё равно находят способ прошмыгнуть в дом. Они залезают прямо в кровать и начинают обсасывать пальцы на ногах. Самое ужасное, что ты даже не можешь понять, что попался, потому что ничего не чувствуешь. В их слюне содержится вещество, обезболивающее и парализующее жертву, чтобы та не проснулась.

Они могут провести в твоей постели всю ночь. Сначала они обгладывают пальцы, потом принимают за ступни, лодыжки, икры... Некоторые просыпаются вовремя и отделяются потерей пары пальцев. Другие поутру обнаруживают себя в луже крови и без ног.

Дети слушали, онемев от ужаса.

Акслин дрожала, согнув ноги в коленях и плотно прижав к себе ступни, словно защищаясь от этого неведомого врага.

Тут снова заговорил Рауксан:

— Единственный способ защититься от них — это носить специальные носки. Мы делаем их из козьей шерсти и постоянно замачиваем в луковом соке, поэтому они так противно пахнут. Сосущие не выносят этого запаха.

Если лечь в постель в этих носках, хорошо натянув их, сосущие разве что пожуют немного пальцы через ткань и уберутся восвояси. Потому что от запаха лука их тошнит, а от козьей шерсти в носу чешется.

Дети тихонько захихикали.

— Мы не знаем точно, что там с ними происходит, — заметила Икса. — Но то, что наши носки им не нравятся, — это факт. Практически каждый в нашем анклаве хотя бы раз имел дело с сосущими, однако многим удалось сохранить ноги целыми, а это значит, носки правда работают.

— А нас донимают длиннопалые по ночам, — сказал Тукс. — У них влажные и холодные пальцы. Кажется, будто они пытаются тебя ласкать, но чувство от этих прикосновений просто отвратительное. При этом, уже когда они тебя трогают, лучший способ защититься — это притвориться спящим. Если у тебя нет длинных волос, можно быть уверенным, что рано или поздно монстры уйдут. Волосы — единственное, что их интересует.

Местные закивали и зашептались в знак согласия; новенькие слушали, открыв рты, было видно, что всё это для них в новинку.

— А что происходит, если им попадается ребёнок с длинными волосами? — решил спросить Рауксан.

— Ребёнок или взрослый, не имеет значения, — уточнила Ксейра. — Они хватают его за волосы и волоком тащат в своё логово, чтобы сожрать. Если тебя схватил длиннопалый, можешь сколько угодно плакать, кричать и пинаться — он тебя не отпустит. К тому же эти монстры передвигаются с дикой скоростью, даже если у них с собой добыча, так что шансов догнать длиннопалого и освободить жертву нет никаких. Если ты попался длиннопалому, ты уже не вернёшься назад.

— Я слышал, что однажды патрульные наткнулись на логово длиннопалого. Им удалось уничтожить монстра и найти останки всех тех, кого он утаскивал в свою берлогу. Там было сто двадцать черепов, включая детские.

Акслин судорожно вздохнула. Она первый раз слышала эту историю.

— Я думаю, это слухи, Тукс, — возразила Ксейра. — Таких больших анклавов не бывает.

— Да, но если длиннопалый годами таскал туда жертв, может, даже веками... Тогда всё сходится. Так или иначе, самым ужасным, что патрульные обнаружили в том логове, были не черепа.

— А что же?

— Кроме костей, длиннопалый хранил волосы своих жертв. Волосы всех этих людей, вырванные с корнем, перевязанные верёвками и рассортированные по цвету от самых светлых к самым тёмным. Там было сто двенадцать черепов и сто двенадцать пучков мёртвых волос.

Дети молчали, еле дыша: в каждом шорохе им теперь мерещилось приближение длиннопалых.

— И по этой причине, — заключил Тукс, — в нашем анклаве мы коротко стрижем волосы. Как только мы начали это делать, длиннопалые перестали забирать людей.

— Хотя они периодически продолжают приходить по ночам, — добавила Ксейра.

— Мы ощущаем их, чувствуем, как они прикасаются к лицам, и слышим их дыхание. Они глядят по голове и пытаются хватить за волосы. Но так как хватать не за что... Они уходят.

Икса и Рауксан слушали очень внимательно. Наконец, девочка сказала:

— Понятно. Спасибо, что убедили нас подстричься. В нашем анклаве никто слыхом не слыхивал о длиннопалых.

— Зато мы слышали о корявых, — произнёс Рауксан таким тоном, как будто пытался выиграть спор. — А вы вот про сосущих ничего не знали.

— Это сосущие разорили ваш анклав? — спросил Тукс.

— Тукс! — раздражённо одёрнула его Ксейра. Но новенькие сохраняли самообладание.

— Нет, — ответила Икса, понизив голос, — это были тощие. Они выбрали туманное утро и напали на нас. Мы зажгли костры, чтобы отпугнуть их: это всегда помогало. Но пошёл дождь и всё затушил. Пока мы возились с новыми кострами, они выбили доску из ограды и пробрались в анклав. Их было много,

и они были так голодны, что сметали всё на своём пути. И нас бы сожрали, но начался восход. При первых лучах солнца тощие попрятались. Они же ненавидят свет.

Все молчали. Тощие... Местные впервые слышали такое название. Но ни Тукс, ни Ксейра не решались задавать вопросы. Акслин дрожала от ужаса на своём тюфяке.

— Погибли девятнадцать человек, — продолжил рассказывать Рауксан бесстрастным тоном; словно такое сухое перечисление фактов помогало смягчить ужас, отдалиться от него. — Четырнадцать взрослых и шесть детей. Выжили мы трое и ещё двое взрослых, которых мы потеряли по дороге. Одного унёс мокроступ, другую убил шипастый.

Рауксан замолчал; Акслин слышала приглушённые всхлипывания Иксы, и от этих сдерживаемых рыданий её собственный страх делался всё больше и больше, что, казалось, вот-вот сожрёт её изнутри. Прошло несколько секунд, все молчали. Было похоже, что Тукс добавит ещё что-то, но тут с тюфяка у двери донёсся голос Калакс.

— Ребята, вы всё ещё не спите? В чём дело?

— Всё в порядке, Калакс, — ответил Тукс. — Просто новенькие тоскуют по дому.

— Это нормально, — сказала та шёпотом. — Постарайтесь заснуть и ведите себя тихо, а не то разбудите маленьких.

Никто больше ни о чём не заговорил в ту ночь. Новенькие, измотанные переживаниями и дорогой, заснули без задних ног. Акслин же по-прежнему не могла успокоиться. Гости наполнили её воображение новыми страхами, как будто ей своих ужасов было недостаточно. Она лежала и не могла пошевелить пальцами ног, мечтая о луковых носках из козьей шерсти: самой необходимой вещи для сна, в существование которой ещё вчера было трудно поверить.

Думала она и о новых чудовищах, пополнивших её каталог кошмаров: тощих, слюнявых, мокроступах. Она не знала, ни как выглядят эти существа, ни какими изощрёнными способами они могут мучить людей; и это заставляло её бояться ещё сильнее.